

Между «двойным освобождением» и оккупацией: болгарское общество об итогах Второй мировой войны

Как хорошо известно, до 1989 г. в болгарской исторической литературе и в общественном пространстве Болгарии господствовала советская версия истории Второй мировой войны. Составной ее частью являлся тезис о «двойном освобождении» страны Россией: от турок в 1877–1878 гг. и от немецких фашистов в 1944 г. Относительно второго освобождения указывалось, что объявление войны Болгарии 5 сентября 1944 г. и вступление частей Красной армии на территорию страны имели решающее значение для участия болгар в войне против Германии: эти события дали возможность защитить национальные интересы болгарского государства, ускорили революционные процессы внутри страны и обеспечили победу народной власти.

После 1989 г. идеологические конструкторы советской эпохи стали пересматриваться болгарскими историками и обществом в целом. Одним из самых «атакуемых» стал тезис о «двойном освобождении».

Прежде чем попытаться выяснить, как менялись взгляды болгар на историю Второй мировой войны, и, прежде всего, как совершались отход от идеи о «двойном освобождении» и ее замена тезисом о советской оккупации, необходимо сказать о болгаро-русских / болгаро-советских отношениях. Хотя тезис о «двойном освобождении» нельзя рассматривать только в контексте развития двусторонних отношений, но ярко выраженное деление болгар на русофилов и русофобов, о чем далее пойдет речь, сказывалось и продолжает сказываться на всех вопросах, касающихся болгаро-русских отношений.

В целом исследователи склоняются к тому, что эти отношения глубоко неоднозначны. Вот как в 2015 г. описал их человек

«со стороны» — бельгийский историк-болгарист и переводчик Раймонд Детрез: «Двойственное — славянофильское и имперское — отношение русских к болгарам еще в первые годы после Освобождения привело к настоящему расколу болгарского общества на русофилов и русофобов. Эта поляризация существует и по сей день. Во время холодной войны коммунистический режим в Болгарии сделал всё, что в его силах, чтобы усилить чувства благодарности и “вечной дружбы”. При этом благодарность русским за освобождение шла рука об руку с отрицательным отношением к туркам. Иными словами, чем страшнее выглядит “турецкое иго”, тем более благодарными будут болгары. В результате мы имеем дело с односторонними представлениями о прошлом, возникшими в основном благодаря коммунистической индоктринации»¹.

О двойственности в отношениях между русскими и болгарами говорят и «инсайдеры». Проф. Искра Баева, например, указывает на их [отношений] «скрытую двойственность»: болгары, с одной стороны, были благодарны России за освобождение, но с другой, стремились к реализации своих национальных идеалов. Эта двойственность порождала «расхождение во внешней политике и много горечи: болгарские политики будут искать других союзников не только в первой половине XX в., но и после 1989 г., в то время как большая часть болгарского народа продолжает оставаться русофильски настроенной, а российское общественное мнение в эти моменты будет осуждать Болгарию как неблагодарную страну»².

Исследуя современное болгарское русофильство и русофобство, И. Баева пришла к убеждению, что «ни в прошлом, ни сегодня такие определения не существуют для других стран, какими бы великими они ни были или остаются и по сей день. У граждан большинства балканских стран великие державы также вызывают позитивные или негативные чувства, но нигде в регионе нет такого сильного разделения в отношении России между любовью, благодарностью и преклонением, с одной стороны, и ненавистью, отрицанием и противопоставлением, с другой»³.

После этих кратких уточнений вернемся к основной проблеме исследования — к тезису о «двойном освобождении».

Идея необходимости освобождения болгар начала вырисовываться сразу после нападения Германии на СССР. Уже 22 июня 1941 г. Г. Димитров направил в ЦК Болгарской Рабочей партии (БРП) радиограмму с призывом «принять все меры для того, чтобы облегчить борьбу советского народа, противодействовать анти-советским планам болгарской реакции, крепить единый народный фронт борьбы против немецкого фашизма», притом специально указал, что на данном этапе речь идет именно «об освобождении народов от фашистского порабощения».

Дальнейшее развитие тезиса об освобождении шло в русле новой инициативы Москвы, взятой на вооружение сразу после 22 июня, — объединить славян для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками⁴. Наряду с активной пропагандой этой идеи в советской прессе того времени⁵, Кремль предпринял и ряд практических действий в этом направлении: организация радиомитингов, в которых принимали участие представители всех славянских народов — русские, украинцы, белорусы, чехи, поляки, сербы, болгары, словаки, хорваты; создание Всеславянского комитета (с национальными секциями); проведение научных форумов и публикация в прессе статей ученых, которые должны были утвердить в общественном сознании идею общности славянских культур и показать историю «вековой» борьбы славянских народов против немецкой агрессии; пропаганда славянского единства при помощи созданных в Москве Коминтерном радиостанций находящихся в СССР заграничных руководств коммунистических партий для вещания на всех славянских языках и т.д.

Пропаганда идеи славянского единения была основана на трех основных тезисах: 1) немецкие фашисты ведут борьбу со славянством в целях уничтожения славянских наций и славянской культуры; 2) необходимость объединения всех славян во всеславянский фронт для борьбы против их исторического врага — немецких захватчиков; 3) союз Болгарии, Хорватии и Словакии с Гитлером был заключен продажными правителями, которые фактически превратили свои народы в немецких вассалов, между тем как народные массы поднялись на борьбу с фашистскими захватчиками и их доморощенными пособниками.

В отношении Болгарии этот последний пункт можно проиллюстрировать цитатой из статьи, опубликованной в журнале «Большевик» в июле 1941 г., в которой утверждалось, что болгарский народ, проданный Гитлеру правящей кликой изменников во главе с Филовым и Поповым, стонет под пятой немецких оккупационных войск⁶.

И когда войска 3-го Украинского фронта под командованием генерала армии Ф.И. Толбухина 8 сентября 1944 г. форсировали Дунай и вступили на территорию Болгарии, советское командование обратилось с воззванием к болгарскому народу, в котором подчеркивалось: «Красная Армия вступила в Болгарию как армия-освободительница от немецкого ига»⁷. Именно на этой идеологической основе вырос и тезис о «двойном освобождении» болгар. По приказу правительства Константина Муравиева болгарская армия не оказала никакого сопротивления, а советская Ставка Верховного главнокомандования, со своей стороны, распорядилась не разоружать ее. Эти факты также способствовали утверждению в массовом сознании тезиса об освобождении. Его стали особенно акцентировать после подписания 28 октября 1944 г. Соглашения о перемирии между Болгарией и союзными государствами СССР, Великобританией и США. Как известно, согласно его статьям, в Болгарии предусматривалось создание Союзной контрольной комиссии (СКК) под руководством Союзного (Советского) Главнокомандования. Ее наличие в стране равно, как и деятельность военных комендатур, свидетельствовали о военной оккупации бывшей страны-сателлита, а известное «процентное соглашение» от 9 октября 1944 г. между Сталиным и Черчиллем, разделившее Юго-Восточную Европу на сферы влияния, уже определило место Болгарии в советской сфере⁸. В этих условиях новая власть оказалась перед необходимостью особо подчеркивать размежевание между преступной правящей кликой и народными массами. Наиболее явно это проявилось в ходе подготовки Славянского собора в Софии, состоявшегося в начале марта 1945 г. Как писал в своей статье, опубликованной в первом номере журнала «Българо-съветска дружба» (январь 1945 г.), начальник управления по делам печати и член редколлегии журнала Сава Гановски, «болгарский народ прилагает все

усилия, чтобы смыть со своего чела пятно позора из-за действий преступной фашистской клики и не только спасти страну от поражения или катастрофы, но и восстановить свою честь, доверие и достоинство среди демократических наций»⁹. В тему искупления вины болгар перед другими славянскими народами, и в первую очередь перед русским, органично вписывался тезис о «двойном освобождении» и о «нерушимой болгаро-советской дружбе». Он стал главным инструментом идеологического воздействия правящей коммунистической партии на протяжении всего периода ее нахождения у власти¹⁰.

Таким образом, страна, на территории которой не было иноплеменных захватчиков, а находились союзники (по крайней мере до 8 сентября 1944 г., когда правительство Муравиева объявило войну Германии¹¹), страна, которая управлялась собственным монархом, собственным правительством, собственным парламентом, оказалась в списке «освобожденных». Потому что режим был «монархо-фашистским», потому что если не «подавляющая», то хотя бы «лучшая» часть народа боролась за его свержение, что, в конечном счете, и произошло при «решающей помощи Красной Армии». Так Россия / Советский Союз превратилась в «двойного освободителя». Это напоминание о заслугах «царизма» не очень-то нравилось в Москве, но зато напоминало болгарам о первом освобождении и о первом освободителе, к которому, несмотря на все последующие «недоразумения» в двусторонних отношениях между Софией и Москвой, приведшие к участию в двух мировых конфликтах по разные стороны баррикад, немалое число болгар продолжало испытывать теплые чувства. Эти чувства не оставались незамеченными союзниками СССР по антигитлеровской коалиции. Так, например, Черчилль на первом заседании «большой тройки» в Тегеране (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) упомянул, что болгары «всё еще помнят, что Россия освободила их от турок»¹². А чиновники из Отдела по делам Южной Европы Государственного департамента США в подготовленном ими меморандуме для их патрона — заместителя государственного секретаря Эдварда Стеттиниуса-младшего, объясняли: «Особое положение Болгарии среди сателлитов Оси пристокает из того факта, что хотя эта страна следовала Оси

и объявила войну Соединенным Штатам в декабре 1941 г., она не участвовала, как Венгрия и Румыния, в войне против России и действительно имеет, в основном из-за расовых [славянских] корней, особые отношения и связи с «Магушкой-Россией»¹³.

Здесь, кстати, сто́ит напомнить, что сами болгары (по крайней мере не такая уж малая их часть) чувствовали себя в то время «освобождаемыми». Об этом свидетельствуют, помимо прочего, сохранившиеся фотографии, запечатлевшие восторженные встречи советских солдат болгарским населением и транспаранты с надписями: «Привет дорогим освободителям», «Добро пожаловать, освободители» и т.д.

Однако, нельзя забывать и о том, что, несмотря на заверения военного командования о том, что «Красная Армия не имеет намерения воевать с болгарским народом и его армией, так как она считает болгарский народ братским народом», на самом деле советское руководство хотело, чтобы объявленную им войну Болгарии воспринимали вполне серьезно. Это подтверждает, в частности, эпизод из жизни выдающегося советского поэта и писателя Константина Симонова, прибывшего в сентябре 1944 г. в Болгарию в качестве военного корреспондента газеты «Красная звезда». Узнав о его приезде, болгарские интеллектуалы во главе с тогдашним министром пропаганды Димо Казасовым предложили ему принять участие в литературной встрече в одном из софийских кинотеатров и почитать свои стихи. Однако в разгар подготовки Симонова вызвал заместитель председателя СКК генерал-полковник С.С. Бирюзов и строго отчитал его: «Кто вам дал разрешение на такую встречу?! Мы пока еще в состоянии войны с Болгарией!»¹⁴ Вскоре после этого Симонов был отозван из страны.

После 1989 г. идеологические постулаты советской эпохи стали пересматриваться историками. И оказалось, что история Второй мировой войны прочно обросла мифами, притом не только советскими. Ученые отмечали, что память об этих событиях была «искажена, сублимирована и адаптирована», в результате чего европейское общество получило в наследство от послевоенной эпохи такую «правду», которая в сущности своей «фунда-

ментально сфальсифицирована». Причем, это можно отнести как к Восточной, так и к Западной Европе. Именно на эти проблемы обратил внимание еще в далеком 1992 г. британский историк Тони Джадт¹⁵. В данном случае нас интересует то, что, выстраивая продуманную четкую схему создания мифов о Второй мировой войне, он отвел тезису об «освобождении» одно из центральных мест. Анализируя мифотворческую ситуацию в Восточной Европе, Джадт указал, что на Востоке, где везде (кроме Югославии и Албании) коммунизм утвердился не благодаря героическим усилиям местного движения сопротивления, а прибыв в «товарном вагоне» Красной армии, коммунисты были заинтересованы в том, чтобы люди поверили в следующий тезис: Центральная и Восточная Европа были невинными жертвами германского вторжения, само население не принимало участия в моральном падении собственной страны или в преступлениях, совершавшихся на ее территории, и стало полноправным партнером в деле собственного освобождения под руководством советских войск и местных партизан-коммунистов. Эта версия, отмечал далее британский историк, еще в 1940-х годах прочно утвердившаяся в школьных учебниках в странах «народной демократии», на самом деле абсолютно неправдоподобна, и лишь немногие в Центральной и Восточной Европе смогли в нее поверить. Но поначалу заинтересованных в ее опровержении не было, а спустя несколько лет сделать это уже было совершенно невозможно. И в итоге данная трактовка событий укоренилась в коллективной памяти¹⁶.

Подобные перемены не прошли и мимо Болгарии. После 1989 г. в болгарской историографии, прессе и публицистике началась дискуссия об освещении истории Второй мировой войны. В числе самых спорных оказалась проблема пребывания советских войск на территории Болгарии в 1944–1947 гг. Она трактовалась и как освобождение, и как советское военное присутствие, и как оккупация. И если новая (демократическая!) пресса стала сразу подвергать пересмотру прежние оценки¹⁷, выдвигая, между прочим, и тезис о том, что для Болгарии как части Восточной Европы, оказавшейся в советской сфере влияния, война закончилась только «сейчас», т.е. спустя 45 лет после 9 мая 1945 г., то серьезные историки не торопились с переоценкой событий

недавнего прошлого. Им прежде всего требовалось время, чтобы изучить ставшие доступными материалы архивов, что «позволило преодолеть односторонние интерпретации, а дискуссия по проблемам этих отношений (болгаро-советских. — П. Д.) сумела выйти из плена журналистики и занять полагающееся ей место в профессиональном поле»¹⁸.

Именно это и произошло в рамках международного научного проекта «Россия и Болгария в XX веке. Новые документы, новые идеи» Института истории Болгарской академии наук¹⁹. Во время первой научной конференции «Болгария и Россия в XX веке», состоявшейся в 1995 г., эта проблема затрагивалась в докладах двух болгарских ученых — Мито Исусова и Йордана Баева. В докладе М. Исусова отстаивалось мнение, что после подписания перемирия с союзниками Болгария «была поставлена в ситуацию сильной, даже полной зависимости, но вовсе не была оккупирована», поскольку из Москвы в Софию поступали не только приказы и решения, но и предложения, мнения, советы и вопросы²⁰. В свою очередь Й. Баев считал, что советское военное присутствие в Болгарии можно охарактеризовать и как «оккупационное», и как «освободительное» — в зависимости от ракурса, с которого рассматривался данный вопрос. С общецивилизационной точки зрения разгром гитлеровских войск Советской армией носил освободительный характер. С чисто юридической точки зрения присутствие советских войск в Болгарии и функционирование СКК имели оккупационный характер²¹.

Дальнейшее обсуждение проходило уже на второй конференции, организованной в рамках проекта «Болгария в сфере советских интересов» (1997). Вопрос о пребывании советских войск на территории Болгарии, начиная с сентября 1944 г., стал предметом оживленной дискуссии. Свой исследовательский вклад внес Стоян Пинтев. Он указал, что еще при подготовке Соглашения о перемирии, а затем и мирных договоров со странами-сателлитами в созданной в 1943 г. Европейской Консультативной Комиссии (ЕКК) советская сторона подчеркивала: речь идет не об оккупации, а лишь о продвижении и вступлении на территорию Болгарии или на территорию других германских сателлитов советских войск или войск союзников. В случае с Болгарией этот

вопрос будет дополнительно решен советским главнокомандованием, если возникнет военная необходимость²². В ходе обсуждений в ЕКК участники пришли к формулировке, зафиксированной впоследствии во всех соглашениях о перемирии с бывшими сателлитами Германии (за исключением Италии). Согласно ей, советские войска считались освободительными. «Ни в одном из соглашений о перемирии с Болгарией, Румынией, Венгрией и Финляндией, — подчеркнул Пинтев, — мы не увидим, что ставится вопрос об оккупации, что в эти страны посылаются оккупационные силы»²³. Однако это вовсе не означает, что де-факто не было оккупации. Поэтому, заключая свое выступление, Пинтев констатировал, что до подписания мирного договора в 1947 г. «с международно-правовой точки зрения Болгария являлась оккупированной страной, но этим вовсе не исчерпывалось всё содержание болгаро-советских отношений в этот период»²⁴. Конечно, следует иметь ввиду, что на эти оценки наложило отпечаток само тогдашнее время, характеризовавшееся переходным характером, когда на основе новых подходов шло переосмысление событий, связанных с болгаро-советскими отношениями.

За все прошедшие с тех пор годы специалисты не смогли прийти к единому мнению. Наоборот, к сегодняшнему дню оценки гораздо более поляризованы. Но акцент дискуссии изменился, и речь уже идет не о первоначальном противопоставлении освобождения и оккупации. Мнения большей части исследователей сходятся в общем в том, что в данном случае, как указывал еще Й. Баев, можно и нужно говорить об оккупации, хотя бы в чисто юридическом смысле. Эту точку зрения отстаивал и Любомир Огнянов, отметивший, что хотя само Соглашение о перемирии и не предусматривало полной и безоговорочной капитуляции Болгарии, но на самом деле военно-политическое присутствие советских войск ставило ее в режим оккупации. Огнянов считает, что статьи Соглашения были слишком тяжелыми для Болгарии, но «это было неизбежно для побежденной страны»²⁵.

Но оккупация оккупации рознь.

Тезис об оккупации звучит и у Луизы Ревякиной, тщательно изучившей документы о деятельности СКК в Болгарии (и подготовившей их к публикации вместе с Т.В. Волокитиной²⁶). По ее

мнению, дефиниция *оккупация* вполне адекватно отвечает создавшейся ситуации. «В документах союзников, включая советские, того времени (1944–1947 г.) речь идет об оккупации, о содержании оккупационных советских войск в Болгарии». И это вполне справедливо, поскольку «Красная Армия прибыла в страну не как друг Болгарии, а как армия, ведущая тяжелую войну против Германии и ее союзников, в данном случае Болгарии»²⁷. А во исполнение подписанного 28 октября 1944 г. Соглашения о перемирии между Болгарией и тремя великими державами в стране был введен оккупационный режим и учреждена Союзная Контрольная Комиссия, действующая под руководством Советского Верховного командования²⁸.

Совсем иначе вопрос об оккупации рассматривается в сочинениях, например, Веселина Ангелова, прямо поставившего знак равенства между «советской оккупацией» и «третьей национальной катастрофой» Болгарии. Книга под таким названием вышла в 2005 г.²⁹. Согласно утверждениям автора, страна была «подвержена безоглядному, невиданному в ее истории грабежу. [Она] переживала тяжелый социально-экономический и общественно-политический кризис... беспрецедентную и тяжелую национальную катастрофу с еще более тяжелыми последствиями для ее будущего развития». И дальше: «Страна была разграблена. В результате денежной реформы было ограблено и ее население. Оккупанты сделали это в форме “взаимобразной” торговли товарами, неконтролируемого изъятия колоссальных по размеру денежных средств и продуктов питания, конфискации почти всех железнодорожных, речных и морских средств передвижения, большого количества недвижимости. Чтобы расчистить путь советскому экономическому проникновению, они захватили не только германские, но и значительный объем болгарских и прочих иностранных активов и капиталов»³⁰.

Бурные дебаты по этим проблемам не утихают и в болгарском общественном пространстве. Основные споры сосредоточены вокруг следующих вопросов: 1. Было ли вообще необходимо объявление войны Советским Союзом Болгарии, что привело

к заключению перемирия, согласно которому в стране был введен оккупационный режим? 2. Вправе ли был СССР навязывать стране, которая на самом деле не воевала против него, оккупационный режим, и в связи с этим во сколько обошлось болгарам содержание советских оккупационных войск? 3. Какова должна быть судьба памятников Советской армии, воздвигнутых в разных населенных пунктах Болгарии в период 1944–1989 гг., с акцентом на судьбу памятника Советской армии в Софии.

В связи с первым пунктом дискуссий главный спор идет о том, было ли необходимым с военной точки зрения объявление СССР войны Болгарии. Или это был тактический ход, целью которого было введение войск в страну с тем, чтобы помочь коммунистическим силам укрепиться во власти. И каковы были результаты подобных действий для болгар?

Поднимается вопрос о (не)заключении перемирия с США и Великобританией летом 1944 г.: что бы произошло, если бы болгарский представитель Стойчо Мошанов заключил это перемирие прежде, чем СССР объявил войну Болгарии; зачем Мошанову нужно было лавировать и искать причины, чтобы не ставить свою подпись под документом, выработанным западными союзниками?

В ответах на эти вопросы можно четко проследить издавна существующее разделение болгар. По одну сторону стоят те, для которых объявление войны Советским Союзом вполне оправдано и полностью подчинено военно-политическим целям — необходимости продвижения Красной армии на запад через болгарскую территорию. При этом, как считает И. Баева, «повторилась ситуация, сложившаяся в феврале 1941 г., когда Болгария была вынуждена присоединиться к Тройственному пакту, чтобы избежать вторжения Германии»³¹. По другую сторону находятся те, для которых объявление войны рассматривается как не обусловленный военными целями злостный умысел Кремля с очевидной мотивацией — прибрать к рукам Болгарию и приблизиться к заветной с давних времен цели Москвы — Константинополю и Проливам. Вот некоторые из их эмоциональных суждений:

«5 сентября 1944 г. Советский Союз подло и без всякой причины объявил войну Болгарии, которая, несмотря на давление Берлина, сохранила мирные дипломатические отношения с СССР

на протяжении всей войны. Будучи союзником Германии из-за отсутствия другого выхода (чтобы избежать оккупации во время неизбежного продвижения 600-тысячной немецкой армии через страну), Болгария отказывалась участвовать в агрессивных военных действиях против кого-либо, включая Советский Союз»³².

Некоторые идут еще дальше в своих утверждениях: «Чтобы добиться давно запланированного присоединения Болгарии к советской империи, сталинская верхушка ликвидировала царя [Бориса III] и завербовала часть политической элиты, которая совершила государственный переворот и сдала страну Кремлю»³³.

Это всё неправда, утверждают их оппоненты. «Жалобы на то, что подлые русские объявили нам войну, а мы не воевали ни против них, ни против кого-либо еще, всерьез расходятся с реальными событиями и документами. Неверно, ... что Болгария становится «союзником Германии из-за отсутствия другого выхода, чтобы избежать оккупации во время неизбежного продвижения 600-тысячной немецкой армии через страну». Роль Болгарии в войне не сводится к транзитному коридору. Болгария становится таким же оккупантом и агрессором, как Германия, Италия и другие страны гитлеровской коалиции. И это происходит не из-за безвыходности, а сознательно — по экономическим причинам и из-за реваншистских территориальных амбиций»³⁴.

Некоторые даже пишут, что Красная армия, которую «политики и историки» рассматривают как оккупанта, на самом деле «освободила Восточную и Центральную Европу от нацистской оккупации, освободила Грецию и Югославию от немецких и болгарских оккупантов!»³⁵.

Но из «лагеря противника» продолжают возражать: «В то время, когда СССР вероломно объявил войну Болгарии, та вела переговоры о заключении перемирия в Каире с англичанами и американцами. Советский Союз был хорошо осведомлен об этих переговорах и поторопился с оккупацией Болгарии, чтобы распорядиться ею по собственному усмотрению»³⁶. Или: «Советский Союз объявил, что его войска снова пришли освободить болгарский народ, на этот раз от “немецкого ига”. Утверждения о каком-то навязанном “гитлеровском рабстве” и втором освобождении — циничная пропагандистская инсинуация»³⁷.

Как можно убедиться, для одной группы историков, публицистов, общественных деятелей «оккупация Болгарии Красной Армией помогла сохранить государственную целостность», поскольку подписание перемирия с США и Великобританией в начале сентября 1944 г. могло привести к вводу турецких войск в Болгарию, так же, как и к удовлетворению определенных территориальных претензий Греции к Болгарии. Их оппоненты, наоборот, утверждают, что вторжение советских частей на территорию Болгарии — самое большое зло, какое могло выпасть на долю болгар. Они считают, что оккупация могла быть лишь советской и что заключи наша страна перемирие в Каире с представителями Великобритании и США, никакой оккупации вовсе бы не было или, по крайней мере, она была бы намного более «цивилизованной».

Каковы бы ни были споры по данному вопросу, они в конечном счете способствуют формированию очередного мифа — о Болгарии как невинной жертве «диких орд» с Востока.

Что касается вопроса о цене советской оккупации, то болгары давно начали задаваться вопросом, во сколько обошлось им содержание советских войск на их территории, то есть «второе освобождение»? И конкретнее — каковы были расходы болгарского государства в первые месяцы и годы после 9 сентября 1944 г.? Так, например, еще в 1969 г. М. Исусов попытался подсчитать расходы Болгарии в так называемой Отечественной войне болгарского народа и получил следующий итог: за первый период войны (сентябрь–декабрь 1944 г.) было израсходовано 61 219 561 964 лева, второй период (январь–май 1945 г.) обошелся дороже — 72 061 458 187 левов. Всего участие Болгарии в заключительной фазе Второй мировой войны на стороне антигитлеровской коалиции обошлось ей в 133 281 020 151 лев³⁸. Но ученый не ограничился этими подсчетами и впервые привел данные о том, во сколько обошлось болгарскому государству содержание советских солдат, находившихся на территории Болгарии с сентября 1944 до конца июня 1945 гг. Оказалось, что на содержание советского воинского контингента и СКК за указанный период было израсходовано 23 295 922 715 левов³⁹.

Среди немногих авторов, продолживших изучение этих проблем, следует отметить специалиста по экономической истории Даниела Вачкова, посвятившего не одно свое исследование проблемам финансов Болгарии, в частности и касающимся пребывания советских войск в Болгарии в середине 1940-х годов. В 2004 г. вышла его статья «Выполнение финансово-экономических пунктов Соглашения о перемирии с Болгарией от 28 октября 1944 г.»⁴⁰, в которой обосновывается тезис о высоких и непосильных для экономики страны платежах, наложенных на Болгарию Соглашением, — почти 39 млрд левов, что оказало, подчеркивает Вачков, исключительно неблагоприятное влияние на экономику страны. В последующих своих исследованиях автор развил и представил более детальную картину огромного напряжения болгарской экономики в связи с содержанием советских оккупационных войск и самой СКК. В них снова четко указана конкретная сумма: «Если подсчитать расходы по исполнению всех пунктов перемирия, то выходит, что за период с октября 1944 г. по май 1947 г. страна уплатила деньгами, товарами и услугами сумму в размере 38 935 523 344 лева»⁴¹. И чтобы более наглядно проиллюстрировать тяжесть подобных платежей для болгарской экономики и болгарского государства в целом, автор отметил, что эти расходы сопоставимы только с огромной германской задолженностью Болгарии (38 млрд левов), накопившейся за 1941–1944 гг. в результате клиринговой торговли.

В тексте приведены и другие данные, но я хотела бы обратить внимание на следующую цифру — 133 280 719 447 левов. Ее Вачков получил при подсчете всех расходов, понесенных Болгарией при участии на заключительном этапе войны на стороне антигитлеровской коалиции. «При сложении чисел, указанных в отдельных параграфах, — пишет историк, — получается колоссальная сумма в 133 280 719 447 левов, что представляет собой общую сумму расходов на участие Болгарии в войне против гитлеровской Германии (курсив мой. — П. Д.)»⁴².

Однако всего несколько лет спустя болгарская пресса запестрела кричащими заголовками: «133 млрд левов стоила советская оккупация Болгарии». Впервые «сенсационные открытия» были опубликованы в еженедельнике «168 часа» в июне 2014 г.⁴³, а за-

тем заглавие статьи было растиражировано в других бумажных и электронных изданиях⁴⁴.

Остановлюсь подробнее на этом материале, поскольку на его примере можно четко проследить «технику» создания новых мифов. Первоисточником этой информации оказался небезызвестный политолог Антон Тодоров, один из самых ярых защитников тезиса о том, что за годы советской оккупации, да и после нее, шло безжалостное ограбление Болгарии Советами, что оно, ограбление, приняло такие невообразимые масштабы, что когда читаешь документы из болгарских архивов, задаешься вопросом — как возможно, чтобы факты и документы об этом полностью были неизвестны или мало известны исследователям?

После вышеупомянутого безапелляционного заголовка, набранного крупным «жирным» шрифтом, уже меньшим кеглем подробно расшифровываются эти колоссальные расходы. Оказывается, что указанная сумма «включает и расходы Болгарии в размере около 63,2 млрд левов в связи с ее участием в войне против Германии⁴⁵... 30 млрд левов — это расходы по выполнению перемирия... В сумму 133 млрд левов входят также и некоторые косвенные убытки в размере свыше 27 млрд левов, а также расходы на пособия, пенсии и одноразовые выплаты — 10,9 млрд левов»⁴⁶.

Далее Тодоров утверждает: «Изнемогая под этим непосильным бременем, к концу 1945 г. Совет министров всё же осмелился обратиться к [заместителю председателя Совета народных комиссаров СССР] В.М. Молотову с просьбой прекратить “это безумие, поскольку у казны больше нет денег”. Эта констатация, однако, не вызвала ни малейшего сочувствия в Москве, которая продолжала требовать от болгар всё больше и больше с тем аргументом, что Болгария как побежденный союзник Гитлера должна быть благодарной, что с нее требуют так мало»⁴⁷.

Между тем, чтобы разобраться, следует заметить, что 30 октября 1945 г. находившийся в Москве Г. Димитров направил В.М. Молотову сопроводительное письмо с приложением поступившей из ЦК БРП(к) «информации» «О выполнении договора о перемирии» и «Заметки об экономическом и финансовом положении Болгарии». Письмо с указанными материалами поступили в секретариат Молотова. В справке «О выполнении

договора о перемирии» указывалось, что для того, «чтобы избежать финансовой катастрофы, абсолютно необходимо: 1) Сократить до возможного минимума расходы по военному ведомству; 2) Сократить возможно больше расходы по выполнению Договора о перемирии с точки зрения их быстрой ликвидации»⁴⁸. Но в «Заметках», между прочим, можно прочесть следующее: «В связи с финансовым положением нужно особенно подчеркнуть, что расходы по перемирию, *хотя и сокращены наполовину* (курсив мой. — П. Д.), всё же становятся всё более невыносимыми вообще. Необходимо сделать усилия для возможно скорейшего прекращения этих расходов полностью...»⁴⁹. Очевидно, что документ предоставляет исследователю возможность выбрать, на чем при его интерпретации сделать акцент, — на действительно крайне тяжелом состоянии болгарской экономики и болгарских финансов в результате присутствия в стране советских оккупационных войск и СКК, или на том, что Советское Главнокомандование всё-таки пыталось в определенной ситуации идти навстречу болгарам, сокращая размеры платежей.

Хотелось бы обратить внимание и на другое неверное утверждение Тодорова. Он пишет, что с осени 1944 по 1947 г., «около 600 тыс. советских солдат и офицеров пребывали на болгарской земле. Секретные межправительственные соглашения устанавливали порядок их содержания за наш счет. Более того — все зарплаты, командировочные и накладные расходы выплачивались им в долларах, что являлось категорическим требованием советской стороны. При этом речь шла о суммах, многократно превышающих доходы болгарского гражданина со средним достатком»⁵⁰.

Однако имеющиеся ныне в распоряжении исследователей документы свидетельствуют, что все суммы выплачивались в болгарских левах. Об этом говорят как материалы органов власти Болгарии, так и документы советской военной администрации. Вот пример. В письме заместителя председателя СКК генерал-полковника С.С. Бирюзова и начальника штаба СКК генерал-майора А.И. Сучкова министру иностранных дел и культов, комиссару по выполнению Соглашения о перемирии П. Стайнову о выделении средств на покрытие расходов Союзного (Советско-

го) Главногокомандования от 4 ноября 1945 г. сообщается: «Для покрытия расходов Союзного (Советского) Главногокомандования в валюте требуется на ноябрь месяц 420 миллионов (четыреста двадцать миллионов) левов»⁵¹. Другой пример. В памятной записке С.С. Бирюзову о финансовом положении Болгарии от 28 ноября 1945 г. П. Стайнов писал: «Болгарское правительство при выполнении Соглашения о перемирии приложило много сил, чтобы облегчить Союзному (Советскому) Главномукомандованию содержание пребывающих в стране воинских частей братской Красной Армии как необходимым продовольствием, материальными средствами, помещениями и др., так и соответствующими денежными суммами в болгарской валюте в рамках ст. 15 Соглашения о перемирии»⁵².

Всё это наводит на мысль, что то ли А. Тодоров слишком вольно интерпретировал слово *валюта*, не обращая внимание на то, что указанная в документах валюта — болгарский лев, а не доллары (что маловероятно), то ли речь идет об очередной манипуляции фактами.

Но рядовой болгарский читатель и пользователь интернета, кому предназначалась вышеприведенная информация, может и не обратить внимания на эти «нестыковки». В его сознании останется то, что советская оккупация обошлась болгарам более чем в 133 млрд левов и что Советы, не считаясь ни с чем, не только тянули из страны все ее финансовые и прочие ресурсы, но еще и требовали при этом твердую валюту.

Тем более что, как уже ранее было отмечено, эта информация сразу тиражировалась в других изданиях, и на ее основе многие авторы давали свободу своему воображению. Вот пример: «Советская оккупация Болгарии продолжалась с 1944 по 1948 гг. и стоила 138 миллиардов левов, не считая разбойничьих грабежей русскими частной собственности болгар. Русские останавливали грузовики перед частными магазинами болгар и выносили из них всё, не платя ни стотинки»⁵³.

Здесь необходимо сделать уточнение. То, что имелись случаи и грабежей, и мародёрства, и изнасилований, и даже убийств, вряд ли стоит подвергать сомнению. Это признавалось и советскими военными властями. Неслучайно в упоминавшейся пу-

бликации в газете «168 часа» 2014 г. говорилось: «Фактом является то, что очень большое число советских военнослужащих были наказаны — расстреляны за мародёрство, за изнасилования, за другие безобразия, так же, как и за неподчинение»⁵⁴.

Но фактом является и то, что по этому вопросу также можно найти немало спекулятивных утверждений, способствующих созданию новых мифов. Вот пример. На сайте болгарской редакции «Дойче велле» можно прочитать следующее: «По указанию диктатора Тито в 1955 г. югославская УДБА (Управа државне безбедности / Управление государственной безопасности. — П. Д.) раскрыла часть совершенных советскими военнослужащими тяжелых уголовных деяний на территории страны в конце 1944 и начале 1945 года: 1219 изнасилований и 359 попыток изнасилования; 111 изнасилований завершились убийством и 248 — попытками убийства; 1204 случая грабежа, сопровождавшихся увечьями потерпевших. Но если “братский” сербский народ, который всегда был верным союзником России, испытал подобную кровавую вакханалию во времена, когда на территории Югославии находилось 300 тыс. советских солдат, то что же произошло в Болгарии, которую Кремль считал “врагом” и которую удерживал под оккупацией в течение трех лет при помощи 600 тыс. русских солдат, несмотря на то, что царская Болгария запретила отправку на Восточный фронт даже добровольцев?»⁵⁵ После подобного изложения любой читатель, наверное, должен был подумать, что болгарские жертвы — в разы больше.

Ответ на прозвучавший риторический вопрос был всё-таки дан, хотя и несколько месяцев спустя. В первом выпуске передачи «Документы», вышедшей в эфир 4 сентября 2017 г., вышеупомянутый А. Тодоров утверждал: «С вторжением Советской армии в Болгарии начались массовые изнасилования и убийства мужчин, женщин, были даже и убитые дети... В изданном в 1969 г. в Москве документальном сборнике «Болгаро-советские отношения 1944–1948 года»⁵⁶ на странице 15 можно видеть данные советской статистики о том, что 127 болгарских граждан — мужчины, женщины и дети, были убиты, многие женщин были изнасилованы. Немалая часть денег Болгарии после 1945–1946 гг. уходила на пенсии людям, пострадавшим от братушек-освободителей»⁵⁷.

Понятно, что телезрители, скорее всего, запомнили не конкретные цифры, а фразы «массовые изнасилования» и «много убийств».

Судьба памятников Советской армии, воздвигнутых в разных населенных пунктах Болгарии в 1944–1989 гг., — это большая тема, которая нуждается в самостоятельном изучении. Сооруженные при коммунистической власти, они были призваны продемонстрировать признательность освобожденных освободителям, стать символом нерушимой болгаро-советской дружбы. Сразу после перемен, произошедших в стране на рубеже 1980–1990-х годов, памятники стали объектом непрекращающихся политических и идеологических споров.

Следует отметить, что отношение к этой весьма болезненной теме вновь демонстрирует резкое разделение болгарского общества на русофилов и русофобов. Яркий пример — судьба памятника Советской армии в Софии. Он был воздвигнут в первой половине 1950-х годов в честь советских воинов-освободителей как символ признательности болгарского народа советским воинам. В 1993 г. муниципалитет города Софии принял решение о его демонтаже. Однако памятник всё еще возвышается в центре столицы. Правые создают разного рода организации, общества и движения, выступающие то за его снос, то за демонтаж, то за перемещение в музей социалистического искусства. А левые силы и организации ветеранов Болгарии ежегодно возлагают к памятнику цветы и отмечают День Победы и Девятое сентября. Первые периодически раскрашивают его (например, в 2011 г. скульптуры солдат-красноармейцев были перекрашены в героев американских комиксов) и рисуют разные граффити (в 2017 г. на монументе появились даже антисемитские лозунги), а вторые на следующий день их отмывают и приводят в порядок.

Прошло уже 30 лет после начала перемен, а болгарское общество всё еще находится в плену острых споров, незатухающих дискуссий по вопросу об итогах Второй мировой войны для Болгарии и конкретно о роли Советской армии в судьбе стра-

ны. В споры вовлечены не только специалисты, но и общество в целом. Его глубокий раскол заметен всем: и наблюдателям «со стороны» (Р. Детрез), и изнутри (И. Баева). Очевидно, что грань проходит через отношение к России, разделяющее болгарских граждан на русофилов и русофобов. При этом споры между ними зачастую ведутся далеко не на высоком уровне: для русофилов их оппоненты — «фашизоиды» и «либерасты», для русофобов — их противники — «омерзительные коммуняки», «рубладжии», «русская пятая колонна».

К сожалению, превратности прошлого века, как говорил выдающийся французский историк, исследователь исторической памяти Пьер Нора, заставили все страны свести счеты со своим прошлым⁵⁸. Но это не привело к успокоению, к взвешенному взгляду на недавнюю историю. По крайней мере, в Болгарии. Болгарское общество сильно наэлектризовано, и пока трудно сказать, когда наступит время перемирия, когда люди разных взглядов станут говорить друг с другом на исторические (и не только!) темы спокойно и нормальным языком! А между тем рассказ о войне, наверное, будет обрастать всё новыми и новыми мифами.

Примечания

- ¹ *Детрез Р.* Митове и истины за освобождението на България. Интервю на А. Андреев за Радио Дойче веле. URL: <https://www.mediapool.bg/mitove-i-istini-za-osvobozhdenieto-na-bulgaria-news231223.html>.
- ² *Баева И.* Предизвикателство за българското филство и фобство спрямо Русия // Международни отношения. 2014. Бр. 5–6. С. 145.
- ³ *Баева И.* Старото и новото русофобство в България — прилики и разлики // Русофобство — причини, етапи, форми, институции. Доклади от научна конференция, проведена на 11 октомври 2018 г. София, 2019. С. 213.
- ⁴ Подробнее см.: *Марьина В.В.* Славянская идея в годы Второй мировой войны. (К вопросу о политической функции) // Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997; *Досталь М.Ю.* «Новое славянское движение» в СССР и Всеславянский комитет в Москве в годы войны // Славянский альманах, 1999. М., 2000. С. 175–188; *Дубровский А.М.* «Весь славянский мир должен объединиться» (идея славянского единства в идеологии ВКП (б) в 1930–1940-х гг. // Проблемы славяноведения. Сб. науч. статей и материалов. Вып. 1. Брянск, 2000. С. 192–206; *Кикешев Н.И.* «Славяне! Мы объединимся для борьбы и победы». Славянское движение в СССР в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2008. № 8. С. 25–28; *он же.* Славянское движение в СССР: 1941–1948 годы. М., 2008; а также исследования болгарского ученого Бисера Петрова: *Петров Б.* Краят на старото и раждането на новото българско славянофилство

- в началото на Втората световна война // Дриновски сборник. Т. Х. София–Харков, 2017; *он же*. Първият следвоенен славянски конгрес и българското участие в него // Историческо бъдеще. 2017. № 1–2. С. 40–60; *он же*. България и новото славянско движение. София, Гутенберг, 2019.
- ⁵ В июле 1941 г. газета «Правда» начала публиковать материалы о положении славянских народов, оказавшихся под властью Гитлера. 14 июля появилась статья Я. Викторова «Расправа фашистских варваров над польским народом», 15 июля — В. Кружкова «Что сулит Гитлер славянским народам», 17 июля — две статьи без подписи: «Гитлеровцы истребляют сербский народ» и «Антигерманские листовки в Югославии», 20 июля под общей шапкой «Оккупированные страны под фашистским игом» — три статьи: «Черногорский народ борется с фашистами», «Экономическое порабощение Сербии», «Балканы — колония Гитлера», 21 июля — статья Я. Викторова «Чехословакия в борьбе за свою независимость» // См.: *Дубровский А.М., Прудникова Е.М.* Переломный год // Русский сборник. Вып. 2–3. Брянск, 2006. URL: <http://historfaculty.narod.ru/articles/dubr05.doc>. О статьях в других газетах и журналах содержалась информация в донесениях болгарского посланника в Москве Ивана Стаменова // См.: *Димитрова П.* Докладва «Наследник»? Донесенията на българския пълномощен министър в СССР Иван Стаменов (1940–1944). Т. 1. София, Гутенберг, 2010. С. 174–175.
- ⁶ Централен държавен архив на Република България. Ф. 176 К. Оп. 1ш. А.е. 333. Л. 210.
- ⁷ Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. В 3-х т. М., 1976. Т. 1. С. 608.
- ⁸ «Процентное соглашение» становилось главным, определяющим послевоенные международные отношения, документом, несмотря на то, что принята во время Ялтинской конференции союзных держав (4–11 февраля 1945 г.) Декларация об освобожденной Европе закрепила готовность руководителей СССР, Великобритании и США согласовывать политику своих правительств «в деле помощи народам, освобожденным от господства нацистской Германии, и народам бывших государств-сателлитов Оси в Европе при разрешении ими демократическими способами их насущных политических и экономических проблем». Как видно, в документе фиксировалась грань между порабощенными народами и населением стран-сателлитов.
- ⁹ Българо-съветска дружба. 1945. № 1. С. 5. На эту публикацию обратил внимание автора Б. Петров // см.: *Петров Б.* България и новото славянско движение (1941–1948). С. 99.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Это случилось уже после того, как СССР объявил войну Болгарии и отказался удовлетворить просьбу Софии о немедленном заключении перемирия.
- ¹² Тегеран, Ялта, Потсдам. Сборник документов. М.: Международные отношения, 1971 (3-е изд.). С. 43.
- ¹³ Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1944, the British Commonwealth and Europe. Volume III. Washington, 1965. P. 304.
- ¹⁴ Об этом эпизоде рассказала друг семьи Симонова болгарская писательница Лиляна Стефанова. (См.: *Стефанова Л.* Моят луд век. София, 2016).
- ¹⁵ *Judt T.* The Past is Another Country: Myth and Memory in Postwar Europe // *Daedalus*. Fall 1992. 121 (4). P. 83–118. Об этом и о некоторых других тезисах Джудта подробнее см.: *Димитрова П.* Източна Европа и паметта за Втората световна война: от „страна огромная“ до „блъдландс“ // *Україна і Болгарія в історії Європи. Збірник наукових праць. Київ–Софія, 2019. С. 488–502.*
- ¹⁶ *Judt T.* Op. cit. S. 91.

- 17 См., напр.: *Ноев М.* Деградация на победата // *Свободен народ*, 9 мая 1990; *Радев В.* Девети май — ден на победата, но каква е цената... // *Демокрация*, 9 мая 1991; *Божанова К.* Така дълго пихме горчивата чаша на 9 май // Там же, 9 мая 1992; *Методиев В.* За нас войната завърши с десетилетия по-късно // Там же; *Инджев И.* България да се освободи от руския си комплекс // Там же, 9 мая 1994; *Константинов М., Вълчанов Н.* Девети май и московската шайка // Там же. Также была опубликована, с небольшими сокращениями, статья американского журналиста Чарльза Ланиуса «Я видел, как русские захватили Болгарию», напечатанная впервые в журнале «Reader's Digest» 22 октября 1945 г. // см.: *Ланиус Ч.* Аз видях как руснаците взеха България // *Демокрация*, 6 мая 1995, 9 сентября 2013 г. Эта статья снова была напечатана в болгарской прессе, на этот раз в газете «Дневник» под заголовком: «Видях как руснаците окупираха България през 1944 г.» (курсив мой. — П.Д.; оригинальный заголовок: «I Saw Russians Take over Bulgaria»).
- 18 България в сферата на светските интереси (Българо-руски научни дискусии). София, 1998. С. 11 (автор предисловия — проф. Витка Тошкова).
- 19 Проект был реализован в 1995–1997 гг. под руководством В. Тошковой и Л. Ревякиной при содействии Фонда «Открытое общество» и Национального фонда «Научные исследования» Министерства науки и образования Болгарии.
- 20 *Исусов М.* За характера на българо-съветските отношения след Втората световна война // България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. София, Гутенберг, 2000. С. 237.
- 21 *Баев Й.* Проблеми на българо-съветските военнополитически отношения (септември 1944 — декември 1947 // Там же. С. 310–311. На такую трактовку обратила внимание Л. Ревякина // см.: *Ревякина Л.* Окупация или съветско военно присъствие? // *Победата над фашизма и съвременният свят*. София, 2014. С. 78–79.
- 22 България в сферата на светските интереси (Българо-руски научни дискусии). София, 1998. С. 244.
- 23 Там же.
- 24 Там же. С. 248.
- 25 *Огнянов Л.* България във външнополитическата орбита на Москва (1944–1955) // *Via Evrazia*. 2012. 1. С. 317.
- 26 См.: Великите сили и България 1944–1947 г. Т. 1: Примирието между СССР, Великобритания, САЩ и България (януари–октомври 1944 г.). Документи. Съст. Л. Ревякина, Т. Волокитина, В. Тошкова. София, 2015. 444 с.; Т. 2. Съюзната контролна комисия в България (ноември 1944 — декември 1947). Документи. Съст. Л. Ревякина, Т. Волокитина. Част 1–2. София, 2018 (далее — Документи).
- 27 См.: *Ревякина Л.* Окупация или съветско военно присъствие? С. 83.
- 28 Л. Ревякина также настаивает на том, что недостатком всех исследований по данной проблематике — как до 1989 г., так и после — является то, что их авторы так и не сосредоточились на конкретном изучении деятельности СКК и созданного болгарского правительственного органа — Комиссарата по выполнению Соглашения о перемирии. Вместо этого «вступление и пребывание воинских частей Красной Армии в Болгарии и работа СКК рассматриваются в контексте болгаро-советских отношений. Отсюда и делаются выводы, которые не всегда должным образом учитывают международную ситуацию, состояние отношений между великими державами, их отношения к Болгарии» // *Ревякина Л.* Указ. соч. С. 83.
- 29 *Ангелов В.* Третата национална катастрофа: Съветската окупация в България (1944–1947). София, 2005.
- 30 Там же. С. 92.

- ³¹ *Баева И.* Предиизвикателство за българското филство и фобство спрямо Русия. С. 150.
- ³² *Горчева Д.* 5 септември 1944 — над България се спуска мракът на кървавата диктатура. — <https://faktor.bg/bg/articles/politika/na-vseki-kilometar/5-septemvri-1944-nad-balgariya-se-spuska-mrakat-na-karvavata-diktatura>.
- ³³ *Боздуганов Г.* Как България твърдо застава под червеното знаме на комунизма // <https://faktor.bg/bg/articles/politika/hlyab-i-pasti/kak-balgariya-tvardo-zastana-pod-chervenoto-zname-na-komunizma>, 8 септ. 2018.
- ³⁴ Как България от окупатор се превърна в окупирана държава // <http://mejduredovete.com/българия-от-окупатор-се-превърна-в/>.
- ³⁵ *Матеев Г.* Как България бе спасена от погром // Земя. 30 юни 2016. <http://www.zemia-news.bg/index.php/istoriyata-e-edna-2/42157-kak-balgariya-be-spasena-ot-pogrom.html>.
- ³⁶ *Горчева Д.* Указ. соч.
- ³⁷ *Боздуганов Г.* България — военният трофей на Сталин. София, 2014. С. 125.
- ³⁸ См.: *Иусов М.* Стопански разходи на България в Отечествената война (1944–1945) // Исторически преглед. 1969. Бр. 1. С. 52–67.
- ³⁹ Там же. С. 61.
- ⁴⁰ *Вачков Д.* Изпълнението на финансово-икономическите клаузи на Съглашението за примирие с България от 28 октомври 1944 г. // Исторически преглед. 2004. Кн. 1–2. С. 129–154.
- ⁴¹ *Вачков Д.* Краят на Втората световна война и външните финансови задължения на България, 1944–1947 г. // *Иванов М., Тодорова Ц., Вачков Д.* История на външния държавен дълг на България 1878–1990 г. Трета част: Външният дълг на България през периода на комунизма (1945–1990 г.). София, 2009. С. 20. В публикуваномо недавно отчетном докладе руководства СКК в Болгарии о работе Комиссии с ноября 1944 по июль 1947 гг. этого меморандум болгарского правительства процитирован: «Общая стоимость всех мероприятий, выполненных болгарским правительством по Соглашению о перемирии в целом и учтенных им по состоянию на 1.5.1947 года, составляет 38 935 523 794 лева». // Документи. Т. 2. Ч. 2. С. 877.
- ⁴² *Вачков Д.* Краят на Втората световна война... С. 14. Для своих вычислений автор пользуется данными подробного доклада, подготовленного в 1946 г., в котором обозначены по отдельным статьям все расходы болгарской стороны. Доклад хранится в Архиве Министерства иностранных дел — АМВНР. ПМК. Оп. 1. А.е. 20. Л. 3–10. Эта сумма сопоставима с указанной выше суммой, определенной М. Исусовым в ходе его исследований, — 133 281 020 151 левов.
- ⁴³ *Бутовски И.* 133 млрд лева е струвала съветската окупация на България // 168 часа. XXV. Бр. 25. 20–26 июня 2014. С. 16–19.
- ⁴⁴ См.: <https://www.24chasa.bg/novini/article/5483861>; <https://pik.bg/133-млрд-лв-е-струвала-съветската-окупация-на-българия-news247389.html>; <https://burgas-podlupa.com/над-133-милиарда-лева-или-около-300-млн-тогавашни-долара-е-струвала-окупация-на-българия-от;> <https://www.facebook.com/youth.conservative/posts/10203634812527473/> и др.
- ⁴⁵ Тодоров делает вид, что тот факт, что обязанность участия в войне против Германии записана в пункте 1 Соглашения о перемирии, и есть основание включить эти расходы в графу «советская оккупация».
- ⁴⁶ Сумма всех расходов составляет «свыше» или «около» 131,1 млрд левов, но никак не 133 млрд.
- ⁴⁷ *Бутовски И.* Указ. соч.

⁴⁸ Документи. Т. 2. Ч. 2. С. 828.

⁴⁹ Там же. С. 830.

⁵⁰ *Бутовски И.* Указ. соч.

⁵¹ Документи. С. 833.

⁵² Там же. С. 840.

⁵³ *Горчева Д.* Указ. соч.

⁵⁴ 168 часа. 20–26 юни 2014. С. 19.

⁵⁵ *Цеков Н.* Когато Червената армия «освобождаваше» България. URL: <https://www.dw.com/bg/когато-червената-армия-освобождаваше-българия/a-38821798>.

⁵⁶ Так в тексте. Вероятно, имаея в виду издание: Советско-болгарские отношения. 1944–1948 гг.: Документы и материалы / Редколлегия: Л.Ф. Ильичёв, Ив. Д. Попов и др. М., Политиздат, 1969 (Прим. ред.).

⁵⁷ См.: <https://www.youtube.com/watch?v=bCVpV5p1JIM> — «Документите с Антон Тодоров»: Третата национална катастрофа — съветската окупация на България.

⁵⁸ *Нора П.* Когато паметта изяжда историята // Култура. Бр. 34 (2603). 12 окт. 2007. URL: <http://newspaper.kultura.bg/bg/article/view/13371#4tri> (ориг. *Nora P. Malaise dans l'identité historique* // Le Debat. Nr 141. 2006. 4. P. 44–48).